

МЕТОД ЖЕНЩИНЫ

Читайте захватывающие
детективные мелодрамы

ГАЛИНЫ РОМАНОВОЙ

Расплата за наивность	Осколки ледяной души
Встретимся в другой жизни	Счастье по собственному желанию
Я – его алиби	Любвеобильный джекпот
Девушка с секретом	Длинная тень греха
Блудница поневоле	Личное дело соблазнительницы
Неплохо для покойника	Большие проблемы
Стервами не рождаются!	маленькой блондинки
Дожить до утра	Красотка печального образа
Крестный папа	Ночь с роскошной изменницей
Ничто не вечно под луной	Окно в Париж для двоих
Миллион причин умереть	Лицензия на happy end
Рыжая-бесстыжая	Черная корона
Охотники до чужих денег	Рыцарь чужой мечты
Мужей много не бывает	Демон искушения
Ты у него одна	Грешница в шампанском
Любитель сладких девочек	Принцип Отелло
Игры в личную жизнь	Исполнительница темных желаний
Черт из тихого омута	Жизнь нежна
Обмани меня красиво	Мода на чужих мужей
Старая тайна, новый негодяй	Пока смерть не разлучит нас
Миллионерша поневоле	Завтра не наступит никогда
Внимание: неверный муж!	Пять минут между
В любви брода нет	жизнью и смертью
Последняя ночь с принцем	Любовь окрыляет

Единственная моя	Пленная птица счастья
С первого взгляда	Ничего личного, кроме боли
Второй подарок судьбы	Заговор обреченных
Зеленые глаза викинга	Узнай меня
Тайна, приносящая смерть	Заповедник потерянных душ
Цвет мести – алый	Ангел мщения
Не доставайся никому!	Первый шаг к пропасти
Чужая жена – потемки	Вкус запретного плода
Возвращаться – плохая примета	Исповедь обманутой жены
Врачебная тайна	Свидетельницы зла
Призрак другой женщины	Королева отшельников
Тайну хранит звезда	Игры небожителей
Семь лепестков зла	Грех с ароматом полыни
Свидание на небесах	Кукла-любовь
Ведьма отмщения	Позови ее по имени
Программа защиты любовниц	К северу от любви
Кинжал в постели	Пепел прошлого
Гнев влюбленной женщины	Без крестной феи
Лучший день в году	Псевдоним украденной жизни
Нирвана для чудовища	Цена откровения
Незнакомка с тысячью лиц	Конец игры с продолжением
Последнее прибежище негодяя	Шоу семейных секретов
Счастье с третьей попытки	В интересах личного дела
Подвенечный саван	Правда персонального формата
Заключение счастья	Простить нельзя помиловать
Торговка счастьем	Лабиринт простых сложностей
Амур с оптической винтовкой	Теория вероятного чуда
Месть Спящей красавицы	Забавы мертвых душ
Демон ревности	Преступные игры гения
Преступно счастливая	Тайна за семью печалями
Изменница поневоле	По следам старых грехов
Закон сильной женщины	Золотое правило молчания
Без вины преступница	Дневники преступной памяти

ГАЛИНА РОМАНОВА

**МИЛЛИОНЕРША
ПОНЕВОЛЕ**

МОСКВА
2024

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Р69

Редактор серии *А. Антонова*

Дизайн обложки *А. Зининой*

Романова, Галина Владимировна.
Р69 Миллионерша поневоле : роман / Галина Романова. — Москва : Эксмо, 2024. — 352 с.

ISBN 978-5-04-204630-8

Столько неприятностей сразу еще не обрушивалось на хрупкие плечи Ольги Шустиковой. Муж Влад, которого она несколько лет назад успела оплакать как погибшего, странным образом материализовался... в образе ее нового начальника — под другой фамилией, с новой женой. Его появление могло значить только одно — Влад замыслил новую подлость, очередной грандиозный обман. В эти же дни пропала Ольгина лучшая подруга Ксюша, беспутный супруг которой был найден с проломленным черепом и пистолетом в руке. И самое загадочное во всей истории то, что именно из этого пистолета недавно убили бизнесмена, почему-то застраховавшего свою жизнь в пользу Ольги!..

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

© Романова Г.В., 2024
© Оформление. ООО «Издательство
«Эксмо», 2024

ISBN 978-5-04-204630-8

ШАВА 1

Странным казалось все. И то, что дверь гостиничного номера была не заперта. И то, что сам номер оказался необитаемым. Так же не должно быть!!! Неужели она ошиблась этажами?! Нет, это точно четвертый! Кнопка лифта была тому свидетельством. Точно — четвертый этаж, а на двери комнаты красовалось число «сто тридцать четыре». Именно сюда ей надлежало попасть, чтобы опередить того, кто сейчас должен подниматься в кабине лифта, которую она только что покинула.

Она потеряла четыре минуты. На то, чтобы запереться изнутри и осмотреться. Целых четыре минуты! Ровно столько было отведено на всю операцию. Пора уходить! Уходить немедленно! Иначе они лоб в лоб столкнутся, а этого допускать нельзя ни в коем случае.

От того места, где она сейчас стояла, до двери ровно три шага. Один метр пятьдесят сантиметров. Три коротких полуметровых шага, и она успеет. Столкнуться с ним лоб в лоб значило не только провалить дело, это значило потерять жизнь. Подобной роскоши она себе позволить не могла. Слишком много висит на ней, чтобы так просто получить про-

пуск в мир иной. Нет, ей нужно задержаться в этом. Как можно дольше задержаться, чтобы все успеть и всем воздать по заслугам.

Итак, она должна успеть, и, кажется, она поняла, где ей сейчас надобно быть...

Он шел по гостиничному коридору чуть ленивой походкой преуспевающего человека. Таков его имидж. Дорогой черный плащ перекинут через согнутую в локте руку. В ней кожаный кейс, тоже дорогой. Иначе и быть не могло. В другой руке он держал ключи от номера, поигрывая ими с ленивой грацией. Вот он подошел к нужной ему двери. Небрежный поворот ключа в замочной скважине, и дверь распахнута. Шаг через порог и...

Этого не может быть!!! Что за черт!!!

Мне часто снится тот сон,
Тот удивительный сон,
В котором осень нам танцует вальс-бостон!
Там листья падают вниз,
Пластинки крутится диск,
Не уходи, побудь со мной, мой вальс-каприз...

Кто-то, находясь за дверью ванной, громко пел песню Розенбаума. Он ничего не имел против певца, когда-то он даже очень ему нравился, но все же этот женский голос, пусть даже и очень приятный. Но... какого черта?! Здесь не должно быть никаких поющих женщин!

Дверь в ванную была прикрыта неплотно. Отсюда и такая слышимость. Бесшумно преодолев метры просторного холла, он подошел к двери в ванную комнату и заглянул в нее.

Конечно же — это была горничная! А он готов был подумать!..

Широкий женский зад, обтянутый форменным пастельно-голубым льном, двигался в такт движениям женщины. Она чистила ванну. Моющие средства стояли там же, на краю: два порошковых в пластиковых тубах и одно жидкое, с разбрызгивателем. Жесткая щетка мелькала в ее руках, затянутых перчатками ядовито-розового цвета. Рукава у халата были длинные. Подол едва закрывал колени. Толстые слоновьи ноги в простых чулках в рубчик, матерчатые тапочки на резиновой подошве. Откуда только набирают таких...

Все это он успел заметить секунд за десять, никак не больше. Это тоже было частью его профессионального навыка, за что ему платили хорошие деньги. Потом он так же неслышно вышел из номера. Запер дверь тем же ключом и пошел обратно тем же путем.

Что произошло? Наверняка что-то произошло, раз клиента не оказалось на месте, клиента и тех бумаг, в предвкушении получения которых его заказчик исходил слюнями. Куда же все-таки подевался нужный человек? Съехал чуть раньше, чем собирался? Может ли такое быть? Нет, вряд ли. По их сведениям, он только сегодня прилетел и собирался пробыть здесь неделю. Тогда что? Ошибка с номером? Также нет, четвертый этаж, номер сто тридцать четыре. Он это помнил лучше своего имени — это становилось частью его самого.

Он точно знал, что должен войти в номер. Аккуратно, без лишнего шума, ликвидировать мужчину. Забрать бумаги и уйти. Это могла быть черная пластиковая либо какая-то другая папка. Неважно. Но

в ней находился какой-то очередной компромат на кого-то, облеченного властью и деньгами, кто не хочет уступать власть либо этими деньгами поделиться. Это тоже было неважно для него. Принципиальной являлась определенная сумма, которая должна быть переведена сегодня к вечеру на его счет. А что теперь? А теперь, по всей видимости, ее там не будет. И покупка дома, за который уже внесен задаток, откладывается на неопределенное время.

— Черт! — вырвалось у него невольно.

— Что вы сказали? — спросил его молодой парень-портье, наверняка гей, если, конечно, сладкая улыбка и манера вилять бедрами не были частью его профессионального имиджа. — Какие-то проблемы?

Он, почти не задумавшись, небрежно швырнул на стойку ключи от сто тридцать четвертого номера и сквозь зубы процедил:

— Проблемы, конечно! Мне совсем не нравится, что номер, который я собирался занять, до сих пор не убран.

— Как?! — Улыбка сползла со смазливого лица парня, словно неуклюжая горничная прошлась и по нему своей жесткой щеткой. — Этого не может быть! К тому же, простите, он должен быть заселен еще с утра. Одну минуточку, если позволите.

Портье принялся лупить по клавиатуре, не сводя встревоженного взгляда с монитора компьютера. На клиента он почти не смотрел. То ли испытывая неловкость от неприятной заминки, то ли оттого, что клиент выглядел столь сурово гетеросексуальным.

— Ах, извините! — Парень заметно повеселел. — Все правильно! Номер должен был заселяться, с него даже еще регистрация не снята, но в последний

момент наш клиент передумал и вселился этажом выше, прямо над этим номером. Что за каприз такой, я не знаю. А уборка... Так это быстро. Если вы подождете немного...

— Хорошо. — Он снова сгреб ключи со стойки и уже на ходу, не оборачиваясь, бросил: — Я подожду.

То, что у не зарегистрировавшегося до сих пор клиента имеются ключи от номера, нисколько не озаботило безмозглого портье. Парень был очень доволен тем, что ему удачно удалось избежать скандала, остальное поправимо.

Он же... Жаль, конечно, что пришлось засветиться, но это ерунда, если учесть, что его теперешний имидж никак не соответствует его истинному облику. К тому же портье ни за что не вспомнит, какие у него щеки, лоб и рот, а запомнит только то, что клиент беспрестанно поправлял очки на переносице. Это так же было частью его профессиональной игры. Попробуй разыскать незнакомца в миллионном городе по приметам: черный костюм, черная водолазка, черный плащ через руку, черные короткие волосы, дорогой кейс и очки. Фотороботы его портретов нередко появлялись в разных уголках нашей необъятной страны, но ни один не соответствовал оригиналу. Это и отличало профессионала от неумелого дилетанта, который клеил усики и бороду, а то и натягивал на лицо черную маску с прорезями для глаз. Без нужды он уж точно никогда не станет маскироваться и прятаться, а вот остаться по возможности незамеченным — это да... Вот ключи он никак не мог оставить этому легкомысленному парню. На них были его отпечатки, потому что разгуливать по отелю в пиджаке и перчатках было явно нелепо.

Зеркальный лифт медленно полз на пятый этаж. Там, по словам того же легкомысленного портъе, должен был остановиться тот, кто ему был так нужен. И даже не столько он сам, сколько то, что содержалось в его бумагах.

За добытую информацию должны были заплатить очень щедро. Так щедро, что вполне хватит выкупить тот дом, в котором вдруг так остро захотелось встретить старость.

Роскошный сад, не из диковинных деревьев и модной ныне хвои, а самых обычных яблонь и груш, которые к тому же обильно плодоносили. Он сам это видел! И дом... Мечта, а не дом. Двухэтажный, деревянный, с верандой, огромным балконом, опоясывающим дом по всему периметру, огромными стрельчатыми окнами на все стороны света. Разве можно было о нем не мечтать?! Да он перед кем угодно комедию разыграет, лишь бы добиться правды и выполнить то задание, за которое ему обещали...

В очередной раз поправив очки на переносице, он поймал свое отражение в зеркальной стене кабины лифта и вдруг поразился брезгливо-недовольной гримасой на своем лице. С чего бы это? Ну, заминка вышла, и что? Такое случалось и прежде, но никогда не могло помешать его планам. Он всегда доделывал то, что намечал. А тут тем более, такие деньги!

Нет, дело, видимо, было не в заминке. Тут было что-то еще. Это было что-то такое, что еще не сформировалось и не приняло конкретных форм, а пока витало и металось где-то в подсознании, проступая на лице таким вот брюзгливым оттиском.

Уточнять причину своего неудовольствия ему не пришлось. Лифт распахнулся, выпуская его на пятом этаже. Он вышел и огляделся. Коридор был

почти пуст, если не считать двух молоденьких дежурных по этажу, стоящих сейчас у торцевого окна и о чем-то беззаботно беседующих. В его сторону они даже не посмотрели. Это было хорошо. Не пришлось бы убирать и их тоже.

Номер он нашел очень быстро, точно рассчитав, в каком месте коридора тот должен быть расположен. Подошел к двери и пару раз тихонько стукнул костяшками пальцев по косяку. Ключей-то у него не было. А возня с отмычкой могла привлечь внимание дежурных. Приходилось перестраивать план на ходу.

Еще раз постучав и не дождавшись ответа, он натянул рукав черной водолазки на кисть, ухватился за ручку и крутанул ее. В защелке тут же скрипнуло, щелкнуло, и между дверью и притолокой образовалась узкая щель. Дверь была не заперта. Какое-то время, может быть, секунды три-четыре, не больше, он соображал. Потом, вздохнув тяжело, вошел в номер и захлопнул дверь изнутри.

Итак, подсознание все-таки не зря посылало ему тревожные импульсы, вот недовольство и отразилось на его лице. Его опередили. Опередили совсем чуть-чуть. Ему казалось, что он еще видит дымок над дыркой в голове мужчины, лежавшего сейчас лицом вниз посреди гостиной. Кейс, разумеется, с вывороченным нутром стоял на столе.

Над ним словно издевались, давая понять, что дело уже сделано.

Все, мол, мужик, ступай себе. Ты опоздал. Человек мертв, а документы исчезли. Так что...

Вышел он через соседний номер, потому что кто-то подошел к двери и принялся крутить дверную ручку. Ему ничего не оставалось делать, как пере-

лезть по балконам в соседний номер и выйти из него через дверь. В номере никого не оказалось, он даже не был заселен, что существенно облегчило ему задачу — не пришлось убивать свидетеля.

Дежурные из коридора исчезли, но навстречу попались две пожилые пары, оживленно между собой беседующие. Они непременно вспомнят мужчину средних лет во всем черном и в очках. Ну и черт с ними! Пускай вспоминают. Уже через несколько минут на нем не будет ничего черного и очков тоже. Все это будет выброшено и предано забвению. Все, кроме двух вещей. Его пистолета с глушителем, избавляться от которого пока не стоило. И еще глухой, не выплеснутой ярости, что клокотала внутри, разрывая легкие от невозможности заорать в полный голос.

Кто?! Кто посмел? Каким манером его обставили??? Где он ошибся, а он ошибся, это яснее ясного! Обставили или подставили???

Он спустился по лестнице, проигнорировав лифт, и вышел через черный ход, загроможденный инвентарем из кухни. Тут почти никто и никогда не ходил, он проверял это заранее. Ведь все же проверял, как он мог ошибиться? Десятки раз посещал эту гостиницу, прежде чем явился сюда сегодня. Он все просчитал, все сопоставил, знал количество шагов от лифта по коридору до каждого торцевого окна. Он высчитал поминутно все возможные маршруты передвижения, и все же его обошли. Кто?!!

Он выбрался на автостоянку, подошел к машине, взятой напрокат. Отпер ее, швырнул плащ и «дипломат» на заднее сиденье, сам уселся за руль. Уезжать не спешил. Почему, сам пока не понимал. Что-то он пропустил или недодумал, и ему требовалось

время, чтобы посидеть и поразмышлять, подумать над этим.

Перво-наперво нужно было выделить те факты, на которые он сегодня обратил внимание. Или надо было обратить, но он не придавал им значения, а стоило. Итак, что это?

Клиент почему-то переместился на этаж выше. Почему? Делал ли он так всегда, или что-то натолкнуло его на перемену места? Теперь об этом уже не узнаешь. Но тот, кто опередил его, об этом знал или догадался. А если не знал, то должен был пройти тем же путем, что и он сам. То есть войти сначала в сто тридцать четвертый номер, а потом сразу же наверх. И пока он болтал с портье, этот человек сделал за него его работу, лишив его заработка. Как он догадался, что номер наверху обитаем? Не морзянкой же ему по трубам отстучали сверху, в конце концов!

И вот тут он мгновенно все понял. Стоило только дойти до этого места в размышлениях, как сразу все встало на свои места. Как же он не догадался? Недогадал? Это же такой серьезный сбой, как он мог так облажаться?

Горничная, убирающая номер! Это она! Как же он сразу-то... Надо же, только сейчас вспомнил, что форменные платья обслуживающего персонала гостиницы с короткими рукавами. Цвет совпадал в точности, но вот рукав точно был коротким. Он это еще раньше заметил, и те две дежурные по пятому этажу, что разговаривали у окна, — у всех были короткие рукава, тогда почему же у той, что убирала номер сто тридцать четыре, они были длинные? Ведь мыть ванну так не очень удобно. Скорее всего, чтобы что-то скрыть. Волосатые руки, к примеру, которые могут быть только у мужчин. Или, может

быть, поролоновые накладки? Неспроста же ее тучность показалась ему неестественной. Вернее, несвойственной для работы в таком месте. Ноги, опять же, не в капроновых, а в простых чулках...

— Идиот!!! — он досадливо поморщился. — Трижды идиот!!!

Надо же было купиться на такой маскарад! Хотя, с другой стороны, в этом-то и заключался секрет ее успеха. Ее ли, а может, его? Нет, все же ее, потому что голос, певший шлягер Розенбаума, никак не мог принадлежать мужчине. Он запомнил этот голос. Запомнил, наверное, на всю жизнь. Он точно теперь будет звучать во всех его снах. И отлично, по этому голосу он ее и поймает! А в том, что поймает, он был уверен наверняка. Ни одна женщина никогда прежде не смела перейти ему дорогу. Ни одна! Эта не станет исключением, пусть даже для этого он потратит всю оставшуюся жизнь.

ГЛАВА 2

Утро началось с дурацкого недоразумения. Хотя почти каждое ее утро начиналось почти так же. Либо прольет кофе на новую юбку. Либо колготки поползут на самом видном месте в тот самый момент, когда ее требует шеф. А тот был очень крут, требовал неукоснительного выполнения правил трудового распорядка, что включало в себя и безупречный внешний вид.

Сегодня у нее как никогда вид соответствовал. Только вчера купила новый свитер в мелкую поло-

ску. Тот как нельзя лучше подошел к юбке, которую ей на прошлой неделе отдала соседка, только потому, что уронила на боковой шов сигарету и прожгла там микроскопическую дырочку. Дырочка благополучно была заштопана, отпарена и совершенно стала незаметной. В чем Ольга убедилась, разглядывая себя вчера вечером в зеркале. Колготки тоже оказались в порядке, ни одна набойка не отскочила от сапог. Тогда почему так тревожно на душе? Уж не потому ли, что сегодня понедельник и ее вызывают к себе даже раньше еженедельного совещания? Тут еще Вера, соседка по кабинету, скривила набок рот, как всегда делала, когда хотела сообщить какую-нибудь новость, и прошипела:

— Дошли слухи, что ты попала на заметку.

— Как это? — Ольга опешила, перебирая бумаги на столе, она как раз пыталась отыскать сценарий детского праздника, который проводился с ее участием в музыкальной школе в прошлый четверг. — Как это на заметку?

— Сама знаешь! — Вера многозначительно хмыкнула, покосившись на стеклянную перегородку, разделяющую офис на две части: комнату подчиненных и кабинет их начальника. — Ну, счастливо!

Счастье в данном случае было сомнительным, всем было известно, что в понедельник к шефу лучше не соваться ни с личными, ни с общественными вопросами. Ольга бы и не сунулась, по возможности отложив визит до более удачного времени. Глядишь, надобность отпадет и вызовут ее уже во вторник, а это много лучше. Но сегодня приглашение повторялось уже во второй раз, причем передано было не через секретаря — вертлявую Лизку, вечно сующую свой нос не в свои дела. Шеф самолично посту-

чал согнутым пальцем по стеклянной перегородке, указал в ее сторону, когда они все подняли головы, и поманил пальцем именно ее.

— Ну что, Шустикова Ольга! — К моменту ее прихода он уже занял свое место за столом, развалился на вертящемся кресле, и смотрел теперь хмуро прямо на носки ее сапог. — Доигралась?!

Она хотела изумиться, возмутиться и поинтересоваться, но потом передумала. Если вызвал, сам скажет. А начини задавать вопросы, неизвестно, во что это выльется.

— Что натворила, признавайся! — рыкнул он, правда, без особого напора, скорее озадаченно.

— Так ничего вроде бы. — Ольга пожала плечами, а сама быстро осмотрела свои сапоги.

Не дай бог там засохшая грязь, которую она не заметила.

Но нет, носки ее сапог глянцевито сияли, она всегда протираала обувь, придя в офис.

— Тогда какого черта тебя требуют наверх? — не поверил ей ни на минуту шеф, и не только потому, что сегодня был понедельник.

Всем было известно, что вызывают наверх — к вышестоящему начальству — только по двум причинам. Либо ты идешь на повышение, либо за ворота.

За ворота Ольге было нельзя. О повышении никогда не помышляла, хотя частенько выполняла не свою работу, а ту, которую на нее спихивали сослуживцы. И теперь это утреннее происшествие сочла очередным недоразумением. Наверняка в кадрах что-то напутали, если, конечно, ее не собрались выгонять.

— Тебе сколько лет-то вообще? — вдруг не к месту, как ей показалось, задал вопрос Евгений Евге-

ньевич. — Факт, в отделе ты совсем недавно, но с отчетами из своего района сюда постоянно моталась. Сто лет, кажется, тебя вижу, а никогда не замечал...

— Что именно? — все же вырвалось у нее, хотя черный календарный квадратик понедельника маячил на стене у шефа над головой.

— Какая ты у нас! — Он вдруг приосанился, сел ровно за столом и, уложив руки на столешницу, вкрадчиво произнес: — Красавица...

Это было уже что-то! Что-то такое, от чего у Ольги мгновенно закружилась голова, а по спине поползли тоненькие струйки пота.

Что-то было не так. Что-то изменилось. И изменилось не в лучшую для нее сторону. Она была в этом уверена, иначе с чего это вдруг Евгений Евгеньевич начал ее разглядывать? Ее свитер с чужой юбкой тут уж точно ни при чем. Она и раньше приходила в обновках, но никаких знаков внимания с его стороны не было. А тут вдруг...

— Ладно, иди! — махнул он рукой, вяло этак, безжизненно, словно ставил на ней крест. — Тебе уже давно пора быть у самого!

Перед тем как подняться наверх к руководству, Ольга зашла к себе и убрала все бумаги в стол.

— Чего это ты?! — опешила Вера.

— Сам вызывает. Не мне тебе говорить, что это значит.

— И что это значит? — та недоверчиво хмыкнула, вечная ее манера хмыкать порой бесила Ольгу. — Уж не думаешь ли ты, что тебя сокращают?

— Думаю. Представь себе, думаю! А что мне еще думать, по-твоему, если Жека, — так они за глаза именовали своего начальника, — начал с того, что поинтересовался, что я такого натворила! А что я

могла натворить, если все выходные провела на даче у мамы!

Вера покрутила в длинных пальцах пианистки, коей она и была в недалеком прошлом, простой карандаш, швырнула его затем на стол и после очередного хмыканья поинтересовалась:

— А больше он ничего такого тебе не говорил?

— Что именно? — Ольга подошла к шкафу, открыла дверцу и быстро оглядела себя с головы до ног. — Спросил, кажется, сколько мне лет. И что-то еще такое добавил, мол, никогда не замечал, какая я...

Тут она замялась. Назвать себя принародно красавицей у нее язык не поворачивался. Она, конечно, не была слепой и понимала, что не уродина. Далеко не уродина. Но кричать об этом на каждом перекрестке не собиралась. Как мама любила говорить: кому надо, увидят.

Что же получается, увидели?

— Какая?! — вцепилась в рукав ее нового свитера Вера. — Как он сказал, какая ты?

— Красавица или что-то в этом роде, я не очень хорошо расслышала, — пробормотала Ольга, она не любила врать без нужды.

— А-а-а, теперь понятно! — Вера скривилась в недоброй ухмылке и, провожая ее взглядом до стеклянной двери, пробормотала ей уже в спину: — Кажется, наша девочка прошла кастинг. Ну-ну... Удачи тебе, дорогая, в таком нелегком деле!

Последние слова не достигли ушей Ольги, она уже вышла к лифту. И уж, конечно, осталось для нее неизвестным, что сразу после ее ухода Вера сняла телефонную трубку, набрала номер и, дождавшись, когда ей ответят, произнесла ледяным тоном:

— Кажется, у нас проблемы...

Ольге это было неведомо. Она в этот момент, поднявшись через два этажа в апартаменты высшего руководства, приветствовала улыбчивую секретаршу, совсем не похожую на их вертлявую Лизку ни манерами, ни внешностью.

— Вас сейчас пригласят. Присядьте, пожалуйста. — Девушка указала ей на глубокое кресло.

Но Ольга предпочитала постоять. Если сесть в это кресло, а потом встать, то колготки непременно соберутся предательскими складками на коленях. И не то чтобы ее колготки были такими уж дешевыми, нет, но они почему-то все равно собирались складками, хоть плачь. Подол юбки как раз проходил вровень с ее коленями, но не факт, что этих самых складок не увидит высшее руководство, которое наверняка не терпело неаккуратности в одежде.

— Прошу вас, входите.

— Послушайте, — прошептала Ольга, боязливо косясь на дверь генерального директора, — как его полное имя? Я здесь не так давно работаю. Мне доводилось видеть визируемые им документы, но там всегда были лишь инициалы. Неудобно как-то...

— Понимаю, — девушка снисходительно улыбнулась, так же понизила голос до шепота и произнесла: — Хочу вас предупредить, что шеф у нас человек новый и он поразительно хорош собой. Это иногда сбивает с толку таких хорошеньких девушек, как вы. Но вы должны всегда помнить, что он женат! Владислав Иванович Любавский боготворит свою супругу и должен вот-вот стать отцом. Так что...

— Я понимаю. Значит, Владислав Иванович Любавский?

Ольгу немного покоробили слова секретарши, но останавливать ее смысла не было. Наверняка та

и сама была не прочь поиметь с красавцем шефом интрижку, поэтому и конкуренцию хотела пресечь в корне.

— Да. — Улыбка секретарши стала более натянутой. — Вы можете входить.

— Спасибо. — Ольга признательно улыбнулась в макушку девушки, так как та уже склонилась над столом, и потянула на себя дверь с табличкой «Генеральный директор».

Владислав Иванович Любавский стоял к ней спиной и что-то разглядывал через окно. На широких плечах дорогой пиджак. Темные ухоженные волосы чуть спадали на воротник. Длинные крепкие ноги, разумеется, в таких же дорогих брюках. Это, пожалуй, все, что Ольге удалось рассмотреть со спины.

Она стояла у самой двери, теребила в руках краешки рукавов нового свитера и все ждала, когда же на нее обратят внимание. Она очень волновалась, но вместе с тем ее разбирало любопытство. Зачем она понадобилась красавцу генеральному с самого утра в понедельник? Красавцем он, наверное, был несомненным. И осанка, и посадка головы, и небрежное постукивание пальцев о подоконник свидетельствовали о том, что парень жутко самоуверен. А что обычно вселяет в мужчин уверенность? Правильно! Удачливость и, в обязательном порядке, женское внимание. Хотя второе, как правило, идет в ногу с первым.

Ольга тихонько кашлянула, пытаясь привлечь к себе внимание. Реакции никакой. Владислав Иванович по-прежнему таращился в окно и барабанил пальцами о подоконник. Она кашлянула чуть громче и сделала несколько шагов от двери к П-образному столу. На нее все так же не обращали внимания.